

**Труды
Архива востоковедов
Института восточных
рукописей РАН**

Под общей редакцией
И.Ф. Поповой

Выпуск 1

Труды востоковедов
в годы блокады
Ленинграда
(1941–1944)

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2011

Ю.В. БУНАКОВ

О значении так называемой литературной революции Китая

*Предисловие и публикация
И.Ф. Поповой*

Аннотация: Публикуемая статья, написанная в 1930 г., представляет собой первое крупное исследование погибшего в годы блокады Ленинграда Юрия Владимировича Бунакова (1908–1942). Работа находится в сфере ранних интересов этого исследователя, занимавшегося в основном изучением истории китайской письменности и языка. Статья о «литературной революции» в Китае интересна как пример литературоведческого исследования 1930-х годов, когда ученые, воспитанные в традициях школы классического петербургско-ленинградского востоковедения, пытались работать в русле марксистской идеологии. Текст хранится в личном фонде Ю.В. Бунакова в АВ ИВР РАН (Ф. 84. Оп. 1, ед. хр. 88. 14 л.), публикуется впервые.

Ключевые слова: Ю.В. Бунаков, история китайской литературы, литературная революция.

Юрий Владимирович Бунаков родился 9 октября 1908 г. в семье учителя. В 1927 г. окончил трудовую школу-девятилетку в Москве и по направлению Научной ассоциации востоковедения поступил в том же году на китайский разряд Ленинградского восточного института. Это учреждение готовило преимущественно востоковедов-практиков для нужд наркомата иностранных дел, поэтому Ю.В. Бунаков, стремившийся к исследовательской работе, уже на втором курсе стал заниматься по индивидуальному учебному плану. Будучи студентом, Ю.В. Бунаков стал преподавать в том же институте китайский язык. Областью его научных интересов первоначально была история китайской литературы.

Осенью 1931 г. Ю.В. Бунаков поступил на подготовительное отделение аспирантуры АН СССР, а закончив его два года спустя, перешел на основное отделение аспирантуры. Предметом его диссертационного исследования стали термины родства в китайском языке, тема, в ту пору мало разработанная. Ю.В. Бунаков неоднократно подчеркивал необходимость не формально-лингвистического анализа терминов родства, а широкого изучения их теснейшей связи с развитием общества: «Терминология родства представляет феномен социальной жизни человечества, феномен, история которого находится в тесной связи с историей других подобных ему феноменов — брака, семьи и т.д.»¹.

Весной 1932 г. Ю.В. Бунаков, будучи аспирантом, по поручению дирекции Института книги, документа и письма приступил к изучению коллекции иньских гадательных костей, хранившейся в этом институте. Результатом его работы стала небольшая книга «Гадательные кости из Хэнани (Китай). Очерк истории и проблематики в связи с коллекцией ИКДП», опубликованная в серии «Труды Института языка и мышления АН СССР» в 1935 г. В планы Ю.В. Бунакова входило также полное издание коллекции с фотографиями и воспроизводством надписей, однако эта работа осталась незавершенной.

В 1937 г., после окончания аспирантуры Ю.В. Бунаков был принят младшим научным сотрудником на работу в Институт языка и мышления АН СССР, в том же году он приступил к преподаванию курса истории китайской письменности на восточном отделении филологического факультета ЛГУ. В апреле 1938 г. Ю.В. Бунаков особым постановлением Президиума АН СССР был переведен на работу в Институт востоковедения, где стал членом группы В.М. Алексеева, работавшей над составлением китайско-русского словаря. Состав этой группы значительно отличался от списка авторов на титульном листе словаря, увидевшего свет только в 1983–1984 гг. Наряду с Бунаковым в группу входили И.М. Ошанин, Г.Ф. Смыкалов, Л.Н. Рудов, А.А. Петров, Л.И. Думан, К.И. Разумовский, А.А. Драгунов, К.К. Флуг, В.Н. Кривцов, Н.И. Любин, Г.О. Монзелер. Работая над словарем, Ю.В. Бунаков одновременно занимался написанием разделов для справочно-информационного сборника «Китай»².

¹ Цит. по: *Васильев К.В.* Бунаков Юрий Владимирович // Книга памяти сотрудников Института востоковедения АН СССР, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и в дни блокады Ленинграда. Л., 1967 (АВ ИВР РАН, б/ш. Л. 22). Очерк опубликован с сокращениями в: ППИПИКНВ. XIX научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. II. М., 1986. С. 21–23.

² Ю.В. Бунаков составил разделы «Китайская письменность», «Книгопечатание и книгоиздательское дело в Китае», «Периодическая печать в Китае», а также библиографический раздел, посвященный изданиям на европейских языках (Китай. История,

В 1930-е годы Ю.В. Бунаков интенсивно занимался историей китайской письменной культуры, регулярно излагая результаты этой работы в научных докладах. В 1940 г. он прочел доклад «Древнекитайская письменность и материалы для ее изучения». В начале 1941 г. выступил с сообщением на тему «О китайской письменности как историческом явлении и историческом источнике»³.

После начала Великой Отечественной войны Ю.В. Бунаков остался работать в ИВ АН. В армию он призван не был, хотя 30 июля 1941 г. отправился в районный военкомат Куйбышевского района г. Ленинграда и оставил там заявление следующего содержания: «Прошу использовать меня в рядах РККА по военно-учетной специальности № 25 — военного переводчика с китайского языка. Моя гражданская специальность, над которой я работаю около 15 лет, — китайская письменность. Кроме того, знаю английский язык и чешский. По-английски читаю совершенно свободно, говорю хуже. Чешский мой родной язык (по материнской линии я чех)»⁴.

В воспоминаниях Д.И. Тихонова (1906–1987) о блокаде Ленинграда есть строки: «Люди в Ленинграде в то время ходили медленно, почти не отрывая ног от земли. Особенно опасны были крутые повороты, при перемене направления человек часто падал, а подняться сил не хватало. 1 января 1942 г. Китаевед Ю.В. Бунаков пошел домой, но до дому не добрался: видимо, упал в пути и замерз»⁵.

Немногие работы Ю.В. Бунакова были опубликованы при жизни ученого. В его фонде в АВ ИВР РАН остались обширные переводы, библиографические заметки, составленные как подготовительные материалы для статей и читаемых в университете курсов истории китайского письма и эпиграфики. Многочисленные выписки, карточки и конспекты, сделанные Ю.В. Бунаковым, свидетельствуют и о скрупулезности библиографа, и о его «порывистой неаккуратности», на странное сочетание которых в его характере обратил внимание В.М. Алексеев⁶.

Текст публикуемой статьи хранится в личном фонде Ю.В. Бунакова в АВ ИВР РАН (Ф. 84. Оп. 1, ед. хр. 88) и представляет собой типо-

экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сб. ст. под ред. В.М. Алексеева, Л.И. Думана и А.А. Петрова. М.–Л., 1940. С. 351–426, 474–505.

³ *Васильев К.В.* Бунаков Юрий Владимирович. Л. 22.

⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 84. Оп. 1, ед. хр. 250. Л. 1.

⁵ *Тихонов Д.И.* Война и советские востоковеды в Ленинграде // Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов. 1941–1945. М., 1985. С. 46 (39–63).

⁶ *Алексеев В.М.* Юрий Владимирович Бунаков // Наука о Востоке. М., 1982. С. 110.

графские гранки на 14 продолговатых листах (20×63 см) с рукописной правкой автора. Статья была первым большим исследованием Ю.В. Бунакова, завершённым к 1930 г., но так и не вышедшим в свет. Работа интересна также как пример литературоведческого исследования 1930-х годов, когда ученые, воспитанные в традициях школы классического петербургско-ленинградского востоковедения, пытались работать в русле актуальных тогда интерпретаций марксистской идеологии.

И.Ф. Попова

О значении так называемой литературной революции Китая

<Л. 14> Литературной революцией (*вэнь-сюэ гэ-мин*) китайские и иностранные источники обычно называют борьбу за универсальный общедоступный национальный язык, в основе которого лежит литература на простонародном, разговорном языке, борьбу против классического китайского языка и засилья классицизма в литературе. Эта борьба двух языков и литератур протекала чуть ли не на всем протяжении достоверной истории Китая и особенной остроты достигла в нашем веке, в период приблизительно 1917–1920 гг., каковой собственно и называется литературной революцией. Однако в действительности это движение является гораздо более широким по своему охвату и по своей роли в истории Китая, особенно за последние 20–30 лет, и расценивать его только как кульминационный пункт <Л. 13> многовековой борьбы двух языков и литератур — значит сужать его размер и значение. Доказательству этого тезиса и посвящается настоящая статья.

I

Прежде чем переходить к изложению тех причин, которые вызвали движение литературной революции, будет уместно рассмотреть вышеупомянутую литературную борьбу двух языков и литератур Китая, борьбу, которая явилась условием взрыва литературной революции, подготовила почву для этого движения.

Известно, что уже в эпоху Хань (конец прошлой и начало нашей эры) наблюдается расхождение официального языка с тем языком, на котором говорила вся масса китайского населения. «Так, около 120 года до нашей эры, — говорит один из руководителей литературной революции, доктор Ху Ши в своей статье „The Chinese Renaissance“, —

премьер Кунь Сун-хун в докладной записке императору пишет: провозглашаемые императором указы и законы, будучи написаны изысканным стилем и содержа милостивые предписания, обычно не понимаются государственными чиновниками, которые не имеют достаточного образования для того, чтобы объяснить эти указы народу»⁷.

Мы видим, таким образом, что в Хань официальный язык становится непонятным не только для народа, но даже для низших чиновников. Чем это объясняется? Дело в том, что со времени Хань философская система конфуцианства [прочно] утверждается среди феодально-бюрократической верхушки государства, верхушки, составившейся из необходимой в феодальный период технической интеллигенции, которая в дальнейшем срослась с землевладением и через натуральную ренту получила доступ к ростовщичеству, играющему огромную роль в эпоху торгового капитала. Морально-политическая доктрина, обосновывавшая автократию — конфуцианство, — на всем протяжении китайской истории прилагала все усилия к укреплению абсолютизма и созданию обособленной касты чиновничества, своеобразной феодально-бюрократической верхушки, которую мы встречаем во все периоды китайской истории, той верхушки, которая в силу «извечных» законов управляет государством и распределением его богатств. Вполне естественно, что наравне с экономическими мероприятиями, обеспечивающими монопольное господство этой верхушки, пускались в ход также моменты и надстроечного порядка. Одним из таких моментов был официальный язык, который стал инструментом для создания литературы, замкнутой и обособленной в тематике обслуживанием узких придворных кругов, а в формальном развитии — возведением в культ подражания древним образцам. Этот язык и эта литература, удерживаясь, таким образом, на первоначальном уровне, с трудом развивались, и во всяком случае, их развитие отставало от темпа общего культурного развития Китая, что видно уже на примере Хань, когда классицизм стал непонятен даже низшему чиновничеству, не говоря уже о простом народе.

Однако поскольку официальный язык и классическая литература были непонятны народным массам, логически необходимо предположить существование такого языка и такой литературы, которые эти массы обслуживали бы. И действительно, таковыми явились простонародный разговорный язык и литература, написанная на этом языке.

⁷ Данное и ниже следующие высказывания не были дословно воспроизведены в известном издании Университета Чикаго: *Hu Shih. The Chinese Renaissance. The Haskell Lectures*, 1933. Chicago, 1934.

На всем протяжении истории Китая мы видим две линии в развитии языка и литературы: линию конфуцианского официального классического стиля и линию разговорного «подлого штиля» народных масс. Обе эти линии отнюдь не идут параллельно друг другу, отнюдь не сосуществуют мирно и отнюдь не характеризуются равномерным развитием. Через всю историю Китая идет ожесточенная борьба двух языков, официального и простонародного, борьба за гегемонию в обществе и литературе, борьба, обусловленная теми тенденциями, которые были заложены в их развитии. Дело в том, что, рассматривая исторический ход развития языка и литературы Китая, мы наблюдаем медленное, но верное падение вниз кривой официального стиля и еще более медленное, но и еще более верное повышение кривой разговорного языка.

Да оно и не могло быть иначе. Искусственно удерживаемый на уровне возведенных в культ образцов древности, замкнутый в обслуживании обособленной чиновничьей касты, официальный стиль не мог угнаться в своем развитии за энергичным и жизнеспособным разговорным языком. Ничем не связанный в своем развитии, изменяющийся сообразно эпохе, обслуживающий широкие народные массы и являющийся превосходным инструментом для создания общепонятной литературы, разговорный язык боролся за место под солнцем, за гегемонию в китайской литературе, отвоевывая здесь область за область у классического стиля.

С другой стороны, конфуцианская бюрократическая верхушка прилагала все усилия для того, чтобы сохранить гегемонию официального стиля, до некоторой степени бывшего инструментом ее господства. Введение литературных экзаменов при Хань имело целью воспитать кадры, питающие бюрократическую верхушку в классическом, конфуцианском духе. Развивалась бешеная агитация против «подлого штиля», в обществе считалось неудобным сознаваться в чтении произведений на разговорном языке, крупные писатели принуждены были скрывать свое авторство в этой области. «Показательно, — пишет Ху Ши в вышеупомянутой английской статье, — что все новеллы, которые были написаны в минский период, были анонимны и что до маньчжурской династии авторы новелл не позволяли ставить на них свои имена».

Насколько велико было реакционное значение конфуцианства в этой борьбе двух языков, видно из того факта, что разговорный язык и литература на нем достигали всегда наивысшего развития и гегемонии в периоды упадка значения и влияния конфуцианства, например, в так

называемый период средневековья, в монгольскую эпоху⁸. Однако, чтобы не быть голословным, перейдем к иллюстрированию наших положений фактами истории китайской литературы.

Первоначально дифференциацию двух стилей мы наблюдаем в области поэзии. Так, уже в «Ши-цзине» наряду с придворными и религиозными гимнами мы видим чисто народную поэзию, как по содержанию, так и по форме, дух которой не могла вытравить даже обработка Конфуция. Интересно, что в построении народных песен «Ши-цзина» встречается то же противопоставление зачина, не связанного содержанием с основной мыслью песни, той части ее, которая выражает эту основную мысль, то же противопоставление, на котором построены <Л. 12> наши теперешние народные частушки. Например:

Не паши большой пашни,
Только плевелы одолеют:
Не думай о далеком человеке,
Надсадишь сердце страданиями...
(Ци, 7).

Подарила осокинку.
Не осокинка красна —
Красавицей подарена.
(Бэй, 17)⁹.

От «Ши-цзина» развитие поэзии идет по двум направлениям: по линии придворного поэтического жанра и по линии разговорной простонародной поэзии. Вылившись в эпоху первой империи (Цинь—Хань) в законченную форму литературного классицизма, жанр придворной поэзии, развиваясь и порождая мастерские произведения в стиле придворных од *фу* (Цюй Юань, Тао Цянь и т.д.), подвергается все еще сильному влиянию со стороны параллельно и самостоятельно развивавшейся народной поэзии, представителем которой может служить сборник «Гу и фу» той же эпохи. Влияние это идет как по линии содержания (в эпоху второй империи — Тан, характеризующейся сильным развитием торговых городов, к придворным мотивам примешива-

⁸ В наше время я вижу неразработанность вопроса о марксистской периодизации истории Китая — употребляемая здесь и ниже периодизация условна. — *Примеч. Ю.В. Бунакова.*

⁹ Цитирую по переводу В.П. Васильева в «Очерке истории китайской литературы» [СПб., 1880. С. 37–38]. — *Примеч. Ю.В. Бунакова.*

ваются мотивы новых городских прослоек — Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и и т.д.), так и по линии формы. Мы видим, как постепенно стеснительные рамки четырех слов в строке уступают место пяти- и семисловным размерам танских стихов *ши* и через сунские *цы*, не связанные количеством слов в строке, приходят к монгольским *цуй*, не связанным даже обязательной для *ши* и *цы* классической тональностью *пин-цзэ* и построенным по принципу тональности разговорного языка.

Пример дифференциации прозы особенно ярко подчеркивает выдвинутое ранее положение, [согласно которому] разговорный язык достигал наивысшего расцвета в периоды упадка конфуцианского влияния. Так, если в эпоху первой империи (Цинь–Хань) мы видели блестящее развитие классической прозы (Сыма Цянь и т.д.), то в период последующей рефеодализации, характеризующейся упадком значения конфуцианства в связи с пропагандой буддизма, ориентирующегося на широкие народные массы, мы видим быстрое развитие разговорного языка, который используется для переводов буддийских текстов. Вообще, разговорным языком как более выразительным и понятным народным массам всегда пользуются новые прогрессивные течения. Так, в сунскую эпоху, по словам Ху Ши («The Chinese <Л. 11> Renaissance»), на разговорном языке пишут неоконфуцианцы, взявшие под обстрел подлинность классических текстов, Чжу Си, Чэн Хао и другие. Им же пользуются антисунские течения позднейшего времени (Ма Цзи-лин, Янь Юань в XVII в., Гу Янь-у в XVIII и пр.).

В дальнейшем развитие прозы идет по двум направлениям, так же и развитие поэзии, причем деградация классицизма здесь еще более ощутима, чем в поэзии. Классический стиль прозы [*э*]у-ти сань-вэнь, утвержденный с первой империи Сыма Цянем, достиг своего апогея в эпоху второй империи (Тан), дав Китаю «Тан Сун ба цзя» — целую плеяду корифеев классического стиля, доведших его до совершенства. («Тан Сун ба цзя» — 8 писателей танской и сунской династий — Хань Юй, Лю Цзун-юань, Оуян Сю, Су Сюнь, Су Ши, Су Чэ, Цзэн Гун и Ван Ань-ши). В дальнейшем классический стиль совершенно не производит ничего нового и оригинального. Вся дальнейшая история этого пути развития китайской литературы есть история перепевов, компиляций и бесплодных попыток восстановить былую мощь классицизма.

С другой стороны, в ту же эпоху второй империи мы видим получившую широкое распространение танскую новеллу *чуань ци*, выросшую из средневековых новелл фантастического жанра (напр[имер], сборник «Соу шэнь цзи»), в свою очередь берущих свое начало в ми-

фах и легендах феодального периода. Сун дает нам уже новую ступень *хуа бэнь* — обрамленной новеллы, которая является переходной ступенью к дальнейшему этапу развития народной литературы — роману и драме, получившим широкое распространение в эпоху монголов.

Как и в период средневековья, монгольская эпоха характеризуется упадком влияния конфуцианства. Так, в 1237 г. был уничтожен один из оплотов конфуцианско-бюрократической верхушки — литературные экзамены. С другой стороны, для монголов, стоявших в эпоху завоевания Китая на уровне раннего феодализма, несомненно, разговорный язык был ближе и понятней, чем классический язык правящей верхушки Китая, к тому времени уже несколько раз проделавшего переход от феодализма к централизованному государству и обратно, переходы, которыми характеризуется вся история Китая. Оба эти момента обусловили быстрое укрепление разговорного языка и развитие литературы на этом языке. Монгольская эпоха совершенно заслуженно называется «Золотым веком китайского театра». В этот период появляется бесчисленное количество драматических произведений. В этот период гремят «шесть великих мастеров драмы» — Ма Чжи-юань, Бай Жэнь-фу и другие, произведения которых пользовались известностью даже в Европе. Так, одна из пьес монгольского периода «Сирота из дома Чжао» дала Вольтеру тему для его «L'Orphelin de la Chine». В монгольскую же эпоху появляются такие шедевры повествовательной литературы, как «Шуй ху чжуань» Ши Най-аня, «Си ю цзи» У Чэн-ня и др.

В дальнейшие минскую и цинскую эпохи также продолжается вышеописанная тенденция. С одной стороны, мы видим *ба гу вэнь* — четырехчленное построение [эссе] — философов в конфуцианском духе, по определению Б.А. Васильева, которые явились одним из примеров бесплодных попыток восстановления классического стиля. С другой стороны, мы видим дальнейшее развитие романа и новеллы. Так, в эту эпоху появляются «Сань го чжи» Ло Гуань-чжуна, «Жу линь вай ши» У Цзин-цзы, «Хун лоу мэн» Цао Сюэ-цинця, роман, вызвавший бесчисленные подражания в китайском литературоведении, названные *хун сюэ* — школой «Хун лоу мэн», сборники новелл исторически-бытового жанра «Цзинь гу ци гуань» и «Ляо Чжай чжи и».

В таком состоянии и приходит китайская литература по двум направлениям двух борющихся течений к окончательному завершению этой борьбы, к взрыву литературной революции, утвердившему гегемонию до сих пор гонимого и презираемого «подлого штиля».

Однако, прежде чем перейти к изложению причин, вызвавших этот взрыв, уместно будет задать вопрос: чем объясняется то положение, что жизнеспособный, гибкий разговорный язык, с таким успехом обслуживавший народные и в ряде эпох все области применения языка, так долго не мог уничтожить гегемонию классического официального стиля, противоречия которого выхолостили его задолго до его падения? Дело, конечно, не в том яростном сопротивлении, которое оказывала правящая бюрократическая верхушка разговорному языку, сопротивлении, которое, конечно, имело свою долю влияния на создание вышеприведенного положения. Дело, конечно, и не в том, что до литературной революции не было сознательной защиты разговорного языка, о чем говорит Ху Ши в своих статьях. Дело в том, что на протяжении всей китайской истории официальный стиль с успехом обслуживал абсолютистско-бюрократическую верхушку, деспотически управлявшую многомиллионной народной массой. Таким образом, до самого последнего времени в Китае не было объективных условий для полной замены классического стиля разговорным языком, до самого последнего времени, пока в Китае не появился новый фактор, со всей необходимостью поставивший вопрос о языке, — фактор развития капитализма в Китае.

II

В первой главе мы видели, как многовековая борьба двух основных тенденций в развитии языка и литературы Китая подошла к нашему времени в состоянии крайнего обострения противоречий. С другой стороны, мы видели, что отсутствие объективных причин для коренного переворота обусловило то ненормальное положение, когда в течение многих веков мертвый цепко держал живого, безжизненный классицизм господствовал над полным жизненных сил разговорным языком. Вот этими объективными причинами, основным условием взрыва литературной революции и завершения многовековой борьбы, ее естественным концом и было развитие капитализма в Китае.

Проследим вкратце содержание последнего периода китайской истории. Основная черта этого периода заключается в том, что благодаря своеобразным условиям хода китайской истории процесс буржуазного переворота, начавшийся в конце XVIII в., принял необычайно затяжной и болезненный характер. Подавление крестьянского восстания тайпинов, развивавшегося на основании внутренних противоречий, плюс давление иностранной экспансии отбросили Китай в положение, близ-

кое средневековью. Так, мы видим, что уничтожение торговых центров вроде Уханя, Нанкина и других разрушило общеимперскую торговлю, процветавшую до этого, и привело к созданию местных рынков, типичных для средневековья. После тайпинов около тридцати лет в Китае господствует застой и депрессия. Однако, если, с одной стороны, мы видим, что разгром тайпинов <Л. 10> отсрочил буржуазную революцию, идущую по линии развязывания производительных сил туземной инициативой, то, с другой стороны, мы имеем насаждение капитализма извне. Империалисты делят ослабленный политически Китай на сферы влияния, появляется новый быстро растущий класс национальной буржуазии. Эта буржуазия в процессе своего развития начинает бороться с историческим анахронизмом сословной бюрократии, сгруппировавшейся вокруг трона. После временного поражения в течение «ста дней»¹⁰ бюрократия берет реванш и, направив недовольство масс в спровоцированном ею боксерском восстании против иностранцев, отодвигает на одиннадцать лет падение своей до сих пор никем еще не оспариваемой гегемонии. Однако буржуазия уже не удовлетворяется теми конституционными «завтраками», которыми бюрократия пробует укрепить свое положение, и революция 1911 г. сметает не имеющий опоры трон.

Итак, мы видим, что основным содержанием последнего периода китайской истории является борьба нового капиталистического Китая с пережитками феодализма, на смену которому он пришел. Всякий раз, когда происходит смена общественных формаций, на базе экономической борьбы этих формаций возникают надстроечные политические и культурные столкновения. Молодому классу тесно не только в рамках экономического строя предшествующей формации; он задыхается также в тисках отживших форм политических и культурных надстроек. Этот процесс мы наблюдаем и в Китае.

Прежде всего, молодой европеизирующийся капитализм Китая, бросившийся в культурную и техническую выучку на Запад, столкнулся с фактом неспособности господствующего классического стиля в языке и литературе обслужить эпоху, дать ответ на социальный заказ того времени. Несостоятельность классицизма в ту эпоху выразилась уже в неспособности дать что-либо новое и оригинальное в области классической литературы, в творческой импотентности, которая была характерна [для] одной из самых последних попыток восстановления

¹⁰ «Сто дней реформ» — неудачная попытка реформ в Китае (11 июня — 21 сентября 1898 г.), предпринятая сторонниками конституционной монархии во главе с Кан Ю-вэем (1858–1927).

классицизма — тунчэнской группировки¹¹, в большой степени державшейся на огромном политическом и литературном значении стоявшего во главе ее Цзэн Го-фаня. Но еще в большей степени проявилась несостоятельность классицизма на фронте переводов, на котором классический стиль оказался совершенно неспособным выполнить социальный заказ развивающегося класса и дать широким массам доступ к техническим культурным сокровищам Запада.

Мы видим, как целый ряд больших ученых, воспитанных на классицизме, берется за дело перевода иностранной литературы, и на первых порах мы видим довольно большие успехи в этой области. Так, Янь Фу переводит на классический язык Дарвина, Спенсера, Руссо, Монтексье и целый ряд других западных философов. Линь Цинь-нань дает переводы Шекспира, Сервантеса, Толстого, Диккенса и прочих корифеев западной изящной литературы, появляется замечательный в своем роде сборник переводов братьев Чжоу — «Юй вай сяо шо цзи» («Сборник иностранных новелл»). Но все эти достижения оказались втуне, ибо они были понятны лишь ограниченному кругу чиновничьей касты и прошли мимо широких масс, которыми был дан социальный заказ. Это было настолько ясно, что часть китайской интеллигенции, связавшая свою судьбу с нарождающимся классом, пришла к выводу о полной несостоятельности классицизма и подняла на щит более гибкий и дееспособный разговорный язык в качестве инструмента для создания современной оригинальной и переводной литературы. Отсюда и начинается литературная революция в общепринятом смысле этого слова: литературная революция — кульминационный пункт многовековой борьбы классического, литературного языка (называемого литературным вследствие того, что он был единственным инструментом официальной литературы) с разговорным, простонародным языком широких масс.

Однако столкновение молодого капитализма с отжившей формацией не могло ограничиться областью языка. Капиталистической Китай наткнулся на стеснительные мертвящие рамки и во всех других отраслях культуры — в семье, образовании, религии и т.д., и т.д. Ясно, что молодой революционный класс не мог мириться с этими рамками, стеснявшими его развитие. И вот за политической революцией 1911 г., обусловленной созревшей экономической почвой, разразилась рево-

¹¹ Тунчэнская школа в китайской филологии и литературе объединяла сторонников классического жанра и относилась к «школе текстов старых писем», «каноническому направлению» (*цзин сюэ*). Основные ее принципы были сформулированы Фан Бао, Лю Да-куем и Яо Маем в XVIII в.

люция культурная. Это и была так называемая литературная революция Китая.

Литературная революция выступила под основным лозунгом борьбы с классицизмом в языке, борьбы с пережитками феодализма в области литературы. Однако вокруг этих лозунгов сгруппировалась борьба с наследием феодальной эпохи и во всех остальных отраслях культуры. Прогрессивная интеллигенция ведет яростную атаку на консервативность китайской семьи, на реакционную роль конфуцианской морали, на выхолощенность классического воспитания, на ненаучность ученых спекуляций конфуцианства. Один из китайских студентов, получивших образование за границей, доктор философии Ван (Tsi C. Wang) дает характерный перечень тем, занимающих умы мыслящего Китая в то время: проблема жизни, научный метод, что есть демократия, новая мораль, новое образование, новое общество, новая религия, новая женщина, ренессанс, реконструкция, и т.д., и т.п. Ху Ши в одной из своих статей говорит: «Открывая любой журнал, опубликованный за последнее время, мы видим огромное количество проблем: проблема конфуцианства, литературной революции, национального языка, эмансипации женщины, половой морали, ритуала (религии, церемонии), образования, брака, взаимоотношения между родителями и детьми и т.д., и т.п.». Таким образом, мы ясно видим, что движение литературной революции, то движение, которое поставило лицом к лицу новое и старое, уходящее в прошлое и только что народившееся, но быстро развивающееся, это движение отнюдь не ограничивалось областью языка. Не случайно, что основной стержень в движении идет по линии борьбы за новый язык; несостоятельность классического языка в процессе исторического хода событий давно уже ощущалась. Однако вокруг этого основного стержня борьбы на фронте одной из важнейших культур- < Л. 9 > ных надстроек сконцентрировалась борьба молодого капиталистического Китая с пережитками феодализма во всех остальных отраслях культуры. Вот почему мы считаем, что расценивать движение литературной революции только как кульминационный пункт многовековой борьбы двух языков Китая — значит сузить размер и значение этого движения.

III

Теперь, когда мы выяснили исторические причины, обусловившие движение литературной революции, и наметили его основное содержание, можно перейти к детальному рассмотрению основных этапов его развития. Историю этого движения можно разбить, по нашему мне-

нию, в основном на три периода: подготовительный, первый, и второй. Займемся их последовательным исследованием.

Подготовительный период начался задолго до начала движения как такового. Это и понятно. Как взрыву политической революции предшествовал не один десяток лет упорной борьбы революционных элементов Китая с господством феодальной верхушки (период «ста дней», Сунь Ят-сен и т.д.), так и на культурном фронте борьба двух формаций началась задолго до разрешения противоречий революционными методами. Подготовительный период литературной революции можно характеризовать как период уступок, который вынужден был делать феодальный строй во всех отраслях жизни под давлением запросов развивающегося капитализма.

Одной из первых таких уступок была уступка в области языка и литературы. Развивающемуся под сильным влиянием Запада капиталистическому Китаю необходимо было ознакомиться с культурной и технической мыслью западного мира. Таким образом, классицизму, замкнувшемуся в продолжение двух последних династий в исследованиях и компиляциях наследия древности, пришлось заняться переводами сокровищ мировой науки и литературы. Выше уже был приведен краткий перечень авторов, которые были переведены в это время. Однако переводы того времени не ограничивались философской мыслью и областью литературы, в которой с такой продуктивностью работали Янь Фу и Линь Цинь-нань. Появляется целый ряд переводов по прикладным наукам, по географии, механике, химии и т.д. Сделав первый шаг, феодальный строй должен был идти дальше. То, что классический стиль был очень несовершенным инструментом для передачи своеобразной, развивавшейся по иным путям западной мысли, было настолько очевидно, что не могло не вызвать попыток усовершенствовать этот инструмент. Только так можно расценивать введение новых современных терминов в классический язык, которое практиковал весьма усиленно Лян Ци-чао. Однако этот паллиатив также не мог спасти положения, и следующей ступенью было признание рядом писателей, получивших классическое образование, того факта, что единственным инструментом, могущим создать отвечающую запросам эпохи литературу, является разговорный, а не классический литературный язык.

<Л. 8> Однако вся эта польза, которую извлекал капиталистический Китай из импортируемой западной мысли, парализовалась системой воспитания и выдвижения на руководство отдельными отраслями государственной жизни, которая процветала под покровительством

конфуцианской феодально-бюрократической верхушки. И следующим этапом уступок феодализма были уступки в системе образования и подготовки государственных кадров.

Основной путь проникновения методов европейского воспитания в Китае был таков. Ознакомившись с европейской системой образования и видя ее преимущества, китайцы обычно отправлялись за границу, чтобы детально изучить эту систему. Получив западное образование, они возвращались в Китай и работали в колледжах и школах, поставленных [по] европейскому образцу, которые открывало императорское правительство под давлением требований эпохи. Одним из таких китайцев, получивших образование за границей, [был] упоминаемый выше Ван. В своей книге «The Youth Movement in China»¹² он дает подробную историю этого движения, посвятив целую главу жизнеописанию первого китайца, получившего образование за границей, некоего Юн Ина, уехавшего за границу в 1847 г. По предложению этого Юн Ина, вернувшегося в Китай в 1854 г. глубоко убежденным в преимуществах западного образования, правительство в 1870 г. посылает в виде опыта 120 студентов в Соединенные Штаты, но уже в 1871 г. отзывает их обратно, испугавшись быстрого процесса их американизации. Однако уже в 1876 г. правительство посылает 48 студентов из Фучжоуского арсенала специально для изучения вопросов навигации, фортификации и кораблестроения, и затем начинается массовый «поход аргонавтов», по выражению доктора Вана.

После поражения Китая в японо-китайской войне 1894 г. молодежь устремилась в Японию, чтобы выяснить, какие причины привели ее к победе. Правда, большую часть причин они могли бы найти у себя дома, в коррупции потерявшей свое историческое значение сословной бюрократии, тем не менее в 1905 г. уже 411 китайцев окончили японские учебные заведения. Япония сделалась центром прогрессивной китайской мысли. Наравне со студентами, жаждавшими более жизненного образования, чем то, которое им предоставлялось дома, в Китае, в Японии скопляются политические эмигранты, бежавшие туда после победы реакционной клики Цы-си. Так, в Кобэ Лян Ци-чао издает газету «Новое гражданство» («Синь минь цун-бао»), а Сунь Ят-сен в Токио газету «Народ» («Минь го жи-бао»), которая имеет тираж в 150 000 экземпляров.

Однако скоро выяснилось неудобство Японии, находившейся в слишком близком территориальном соседстве с реакционным прави-

¹² Wang Tsi C. The Youth Movement in China. New York, 1927. Книга, к сожалению, оказалась для нас недоступна.

тельством Китая. Договоренность китайских властей с министерством народного образования в Токио о контроле над китайскими студентами заставила студенческую волну переселиться в Америку. Д[октор] Ван приводит следующую интересную таблицу увеличения числа китайских студентов в Америке.

1898 г.	6 человек
1905 «	106 «
1906 «	300 «
1910 «	650 «
1914 «	847 «
1918 «	1 500 «
1922 «	2 600 « и т. д.

Причины такого бурного роста количества студентов в Соединенных Штатах несомненно лежат в факте отказа С.Ш. от своей доли боксерской контрибуции и перечисления ее в фонд иностранного обучения китайцев.

Как уже было сказано, китайские студенты, получившие образование за границей, приезжая в Китай, по большей части занимались передачей полученных ими знаний тем, кто по ряду причин не мог попасть за границу. Одна из главных причин была дороговизна переезда и содержания на Западе. Большинству приходилось одновременно учиться и зарабатывать [на] пропитание. Поэтому если в эпоху Юн Ина иностранцам приходилось уговаривать китайцев, боявшихся уезжать за границу, то в 1907 г. на 13 правительственных стипендий в Нанкине было 600 претендентов. Однако постановка западного воспитания не могла иметь надлежащего стимула до тех пор, пока в Китае господствовала система выдвижения на руководящие посты за лучшее умение разбираться в классиках. И следующим шагом по пути уступок требованиям капиталистического Китая, шагом, имеющим не столько культурное, сколько огромное политическое значение, была отмена императорским эдиктом от 2 сентября 1905 г. литературных экзаменов, которые должны были держать до тех пор кандидаты на чиновничьи должности.

Итак, мы видим, что подготовительный период характеризуется медленной борьбой капиталистического и феодального Китая на культурном фронте, причем под давлением требований развивающегося капитализма феодальная верхушка принуждена сдавать позицию за позицией. Эта медленная борьба была проб[ой] сил оперяющегося капитализма, пока наконец ряд условий не поставил на очередь реши-

тельное столкновение на фронте культурных надстроек, столкновение, решившее участь господства феодальной идеологии.

IV

Не случайно начало литературной революции падает на 1915–1917 гг. Мы знаем, что этот период характеризуется бурным расцветом китайской промышленности, обусловленным европейской войной, отвлекшей все внимание западного капитала, с которым приходилось конкурировать развивающемуся китайскому. Почувствовав себя крепче и уверенней, китайский капитализм бросился в решительную атаку на пережитки феодализма в области культуры, которые все еще стояли на пути его развития. Так начался первый период литературной революции.

Как уже было отмечено, основной стержень движения пошел по линии борьбы против пережитков феодализма в области языка. Первым проявлением этой борьбы были споры, возникшие среди китайских студентов, обучавшихся в Америке, по вопросу о классическом, или литературном, и простонародном разговорном языке (*бай хуа*). Сразу же наметились две основные партии. Первая, партия защитников классического языка, говорила об огромной культуре, накопленной в этой отрасли, о культуре, которая будет выброшена на свалку, если классический язык утратит свое монопольное положение. Они признавали за разговорным языком его заслуги в области новелл, но подвергали сомнению его возможности в области поэзии и утонченной прозы. Вторая партия защищала то положение, что классический язык мертв, что он уже не в состоянии создавать живую литера- < Л. 7 > туру, обслуживать эпоху и что только разговорный язык может быть реальным инструментом для создания будущей литературы.

Перейдя в Китай, эти споры сосредоточились вокруг Пекинского национального университета, который после назначения туда ректором Цай Юань-пэя сразу же занимает позицию непримиримого противника классицизма. Особенно интенсивно ведется борьба на страницах журналов, которые появляются в это время. Роль этих журналов огромна. Они были своеобразным дискуссионным клубом, трибуной, с которой раздавались речи «за» и «против» литературной революции. Первым таким журналом, сыгравшим особенно важную роль в движении, журналом, который д[окто]р Ван вполне заслуженно называет «the epoch-making magazine» — журналом, создавшим эпоху, — был «Синь цин-нянь», что в переводе на русский язык значит «Новая

молодежь». На страницах этого журнала, впервые вышедшего в свет 15 сентября 1915 г., посылаются в 1917 г. первые декларации литературной революции: статья д[октор]а Ху Ши «Вэнь-сюэ гай-лян чу и» («Скромные заметки по поводу реформы китайской литературы») и статья Чэнь Ду-сю «Вэнь-сюэ гэ-мин лунь» («Литературная революция»), а год спустя печатается обширное исследование Ху Ши «Цзянь-шэ ды вэнь-сюэ гэмин лунь» («Творческая литературная революция»). В дальнейшем, разбирая основные фигуры движения, мы подробнее коснемся содержания этих статей, являющихся *сredo* той части студентов американских университетов, которая встала на защиту разговорного языка.

На страницах «Синь цин-нянь» появляется не только теория, но и практика разговорного языка. Так, в первом *хао* третьего цзюаня мы читаем первый опыт перевода на разговорный язык, новеллу Мопассана «Два рыбака», переведенную Ху Ши под названием «Эр юй-фу». «Синь цин-нянь» же печатает первых поэтов, пишущих на разговорном языке, Ху Ши, Шэнь Инь-мо, Лю Бай-нуна и прочих. Из своих стихов, напечатанных в этом журнале, и составил Ху Ши первый сборник стихов на разговорном языке «Чан-ши цзи» — «Опыты», [вышедший] в свет в 1928 г.

Вслед за «Синь цин-нянь» в декабре 1918 г. Чэнь Ду-сю основывает газету «Мэй чжоу пин-лунь» — «Еженедельное обозрение», а еще в сентябре этого года группа студентов Пекинского университета во главе с Фу Сы-нянем издает журнал «Синь чао» — «Новый подъем», который вскоре принимает английское название «The Renaissance».

На страницах этих журналов ведется не только борьба за живой национальный язык, за литературу на разговорном языке. Здесь как раз и проводится та атака на пережитки феодальной культуры, о которой я говорил ранее. Я уже приводил со слов Ху Ши характерный список тем, которые обсуждались на страницах китайских журналов в то время. Дополним его ссылкой на содержание «Синь цин-нянь», особенно характерное в этом отношении. Здесь мы встречаем статьи о женском равноправии, о демократии, о воспитании, об образовании, о культуре вообще, о культуре Запада и Востока, здесь мы встречаем биографии, переводы, исследования, монографии и т.д., и т.п. Вообще все, что входит в понятие Культуры, отразилось на страницах этого журнала. Характерно, что в этот период, критикуя отжившие, умирающие формы феодальной китайской культуры, «Синь цин-нянь» с надеждой и ожиданием обращает свои взоры на Запад. [Журнал] печатает статьи о бойскаутском движении как методе воспитания молоде-

жи в духе, соответствующем эпохе, на его страницах обсуждается западная философия, западная религия и т.д. Да это и понятно. Где было искать развивающемуся капиталистическому Китаю образцы нового, которые он должен был противопоставить отжившему наследию феодализма, как не у буржуазного Запада?

Вокруг журналов концентрируются силы литературной революции. Пока что это прогрессивная часть китайской интеллигенции, вскормленной на классиках, но почувствовавшей, что в протекающей на их глазах схватке двух формаций будущее — за капитализмом, и безоговорочно перешедшей на его сторону. Здесь мы видим тех ученых, которые еще в прошлом веке убедились в несостоятельности феодальной культуры перед лицом капитализма — таков Чжоу Цзо-жэнь, превосходный стилист, создавший целую школу в разговорном языке. Чжоу Цзо-жэнь, который еще на опыте сборника «Юй вай сяо-шо цзи» убедился в неспособности классического стиля быть инструментом для передачи западной мысли массам. Здесь мы видим целый ряд других представителей интеллигенции того времени — Цай Юань-пэя, ректора Пекинского национального университета, Чэнь Ду-сю, декана литературного факультета этого же Университета, Ху Ши, профессора философии там же, Цянь Сюань-туна, профессора филологии там же, Ли Да-чжао, профессора и библиотекаря университета, Лю Фу, профессора китайского языка и поэта, пишущего на *бай хуа*. Здесь же мы видим известного писателя, основателя реалистической школы Чжоу Шу-жэня, брата известного нам уже Цзо-жэня, писателя, известного более под псевдонимом Лу Синя. Остановимся подробнее на двух ярких фигурах литературной революции, сыгравших большую роль в ней и бывших представителями двух основных течений в движении.

Первой такой фигурой является Ху Ши, типичный представитель буржуазного либерализма, представитель эволюционного крыла движения. Для Ху Ши характерен упор на форму, борьба за форму народного языка, против отживших форм классицизма. В одном из первых документов литературной революции, в письме к Чэнь Ду-сю («Ци Чэнь Ду-сю»), он впервые определяет задачи литературной революции, и характерно, что пять пунктов из восьми касаются формы. Вот они:

1. Не употреблять цитат.
2. Не употреблять избитых выражений.
3. Не употреблять параллелизмов.
4. Не бояться простонародных выражений.
5. Изучать конструкцию грамматики.

Это — революция формы.

6. Не писать произведений, в которых стонут, не чувствуя боли¹³.

7. Говорить о конкретном.

8. Не подражать древним, говорить только свое.

Это — ре- <Л. 5> волюция сути[»].

В стремлении апологетизировать народный язык и простонародную литературу Ху Ши доходит до недооценки сил противоположного лагеря. Так, в статье «Цзянь-шэ ды вэнь-сюэ» гэ-мин лунь» он пишет: «Если мы посмотрим на нынешнюю литературу строгого толка, то мы убедимся, что она не стоит нападения. Древняя литература могла существовать только вследствие того, что до сих пор не существовало поистине ценной, поистине жизненной, поистине могущей создать литературу новой литературы, которую можно было бы противопоставить старой литературе. Если же будет существовать эта поистине жизненная литература, то мертвая литература естественно будет уничтожена». По мнению Ху Ши, все зло в том, что не было сознательной защиты разговорного языка в качестве инструмента, который должен создать национальный язык и общепонятную национальную литературу. Вышеупомянутая статья очень характерна для Ху Ши. Придя к выводу, что [при] наличии[и] литературы на разговорном языке нечего будет бояться мертвой литературы, которая должна будет исчезнуть, он предлагает следующий путь для создания новой литературы, путь, который состоит из трех этапов. Прежде всего, необходимо запастись соответствующим инструментом, во-вторых, изучить метод и только тогда приступить к третьему этапу — создавать новую литературу. Лучшим инструментом для создания новой литературы является разговорный язык. Задача — изучать произведения, написанные при помощи его, и больше самим писать на нем.

Недостатки метода китайской литературы заключаются прежде всего в отсутствии материала. «Материал современных китайских писателей, — с едкостью пишет Ху Ши, — заключается в трех группах: первая — чиновничий мир, вторая — проститутки и третья — общество высших классов, которое, не будучи чиновниками, на самом деле чиновники и, не будучи проститутками, на самом деле проститутки». Надо расширить границы этого материала, захватить жизнь простонародья, жизнь фабричных рабочих, рикш, кули, мелких торговцев и крестьян, использовать наблюдения и опыт и дополнить их живым,

¹³ Выпад против сентиментального течения в новой и старой китайской литературе. — *Примеч. Ю.В. Бунакова.*

творческим воображением. Вторым недостатком метода китайской литературы являются недостатки структуры. Современные китайские писатели не умеют выбирать нужную литературную форму, не умеют строить сюжет. Задача — идти на выучку к иностранной литературе, больше переводить западных шедевров и на них учиться высокоценному литературному методу». Итак, по мнению Ху Ши, время для создания новой литературы еще не созрело, задача переживаемого момента заключается пока в том, чтобы вести работу по подготовке к этому созданию.

Однако, с другой стороны, надо отдать справедливость Ху Ши [за то], что он сумел не совершить одной из обычных ошибок переходного времени и не свалил в кучу все наследие древности. Он совершенно правильно заявляет о том, что необходимо отделить древнюю литературу, имеющую свою историческую ценность, от позднейших извращений. Этим он избег как ошибок наших пролеткультовцев, собиравшихся уничтожить дотла наследие буржуазной культуры и на голом месте строить новую пролетарскую, так и ошибок наших писателей первых лет революции, ошибок, заключавшихся в лозунге «кузнецов» — «Во имя нашего завтра сождем Рафаэля» и в лозунге футуристов «Сбросить Пушкина с корабля современности», лозунге, в несостоятельности которого расписался в свое время Маяковский, амнистируя Рембрандта.

Другой яркой фигурой движения является Чэнь Ду-сю. Если Ху Ши можно характеризовать как умеренное крыло, как научное обоснование движения по линии его основного стержня — борьбы за разговорный язык, то Чэнь Ду-сю может быть по праву назван вождем движения, его идеологом, его руководителем.

Если Ху Ши делает упор на медленное овладение формой, то Чэнь дает задания на решительные революционные действия. «Мы боимся революции как змей и скорпионов, — пишет он в своем манифесте „Вэнь-сюэ гэ-мин лунь“, — не понимая, что она является радикальным средством продвижения прогресса, что проверено на опыте всех европейских стран». «Я высоко поднимаю знамя литературной революции, — пишет он там же, — на этом знамени написаны три великих принципа революции. Первый: ниспровергнуть лощеную, льстивую дворянскую литературу и учредить удобочитаемую, передающую чувства народную литературу. Второй: опрокинуть залежавшуюся, напыщенную классическую литературу и установить свежую, правдивую реалистическую литературу, третий: уничтожить темную, непонятную, витающую в облаках литературу и основать ясную общест-

венную социальную литературу...». Что мешает созданию этой новой понятной социальной литературы? Темные силы писателей классического и неоклассического толка. В таком случае на борьбу с ними, ураганный огонь по ним из 42-мм орудий!

Эта революционность не позволяет Чэнь Ду-сю оставаться на либеральных позициях Ху Ши. Он ищет более радикальные принципы, более радикальные действия. Так, если мы видели, что общий упор «Синь цин-нянь» был на западную европейскую и американскую капиталистическую культуру, то у Чэнь Ду-сю среди его статей 1920 г. мы встречаем следующую фразу: «Я считаю, что если мы сможем соединить русский революционный дух и немецкую технику, нам не нужен будет американский капитал». Чэнь вместе с Ли Да-чжао организует в 1919 г. Общество изучения марксизма, которое в дальнейшем реорганизуется в Киткомпартию. Он не только первый переводит на китайский язык марксистские труды, но и повсюду старается дать в своих оригинальных статьях классовый анализ. Он совершенно верно отмечает, что мертвая литература, за свержение которой он борется, это дворянско-классическая литература, по своему кругозору «не выходящая за пределы [круга] князей, влиятельных лиц, духов и магов», т.е. замкнутая, как мы уже говорили, в обслуживании правящей верхушки. Даже революционные в свое время авторы, сыгравшие большую роль в деле развития литературы, каким, например, Чэнь считает Хань Юя, также отмечены этим дворянско-классическим духом. Ясно, что для современ[ности] эта мертвая, дворянско-классическая литература не имеет никакой ценности, и нам надо яростно бороться с ней и со школой ее последышей, пытающихся восстановить классицизм.

< Л. 5 > Еще одна черта характеризует эти две яркие фигуры литературной революции: это их роль в следующем этапе движения. В то время как с развитием движения и переходом его в новую стадию, о которой будет сказано ниже, Ху Ши окончательно уходит от политической жизни и замыкается исключительно в научно-исследовательскую работу (в двадцатых годах появляется целый ряд его научных изысканий в области повествовательной литературы, разбор таких произведений, как «Хун лоу мэнь», «Си ю цзи», «Шуй ху чжуань» и т.д., биография У Цзин-цзы, автора «Жу линь вай ши», и ряд статей и книг по истории философии и литературы), то, с другой стороны, мы уже видели, что Чэнь Ду-сю является одним из организаторов Киткомпартии, в которой он долгое время был генеральным секретарем. Однако мы знаем, что за все время пребывания в Компартии Чэнь Ду-сю исповедовал последовательные меньшевистско-оппортунистические

взгляды, которым был подведен итог на проведенной в начале 1930 г. в Москве дискуссии о чэньдусюизме. Чем же в таком случае объяснить такую прогрессивную революционную роль Чэнь Ду-сю в литературной революции? Объяснение заключается в том, что меньшевик по своей сути, искренно убежденный, что только буржуазия может быть движущей силой революции, что только она может завершить ее, а не пролетариат и не крестьянство, Чэнь Ду-сю не мог не стать во главе такого ярко выраженного буржуазного движения, как литературная революция. Мы определили это движение как атаку молодого капиталистического Китая на пережитки феодализма во всех отраслях культуры. И вполне понятно, что Чэнь Ду-сю, апологетизирующий буржуазию, оказался в первых рядах этого движения. Чтобы подтвердить эту нашу мысль, приведем следующую выдержку из доклада т. Коммунара (по сокращенной стенограмме, помещенной в № 3 «Проблем Китая», с. 196–197): «Наконец, нужно остановиться на социальных корнях чэньдусюизма. Оппортунизм в рабочем движении имеет различные классовые базы. Если взять Западную Европу, то классовой основой оппортунизма служит рабочая аристократия. В такой же стране, где капитализм не был развит, где нет рабочей аристократии, там оппортунизм приобретает другую классовую основу, классовую основу мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции. Так было с меньшевизмом в России, так было с чэньдусюизмом в Китае. Началась мировая война, и благодаря тому обстоятельству, что империалисты были заняты войной, промышленное развитие Китая сделало большие шаги вперед. После этого начинается период так называемого буржуазно-просветительного движения¹⁴. Одним из вождей этого буржуазно-просветительного движения был Чэнь Ду-сю. Это движение в основном сводится к тому, что европейская культура должна заменить китайскую полуфеодальную, полупатриархальную культуру. Чэнь Ду-сю был идеолог против феодальной морали и т. д. Он, материалист, стоял против идеализма конфуцианства... Несомненно, Чэнь Ду-сю имел заслуги в этом буржуазно-просветительном движении, которое играло в свое время прогрессивную роль в Китае».

Поскольку мы остановились на наиболее ярких фигурах литературной революции, не мешает сказать несколько слов о противниках этого движения.

Главным и единственным серьезным противником движения, вождем литературной контрреволюции был Линь Цинь-нань, он же Линь

¹⁴ Литературной революции то ж. — *Примеч. Ю.В. Бунакова.*

Шу. Его значение в истории литературной революции очень велико. На примере Линь Цинь-наня, так же как на примере другой яркой фигуры китайского классицизма, вождя консерватизма в литературе XIX в. Цзэн Го-фаня, можно видеть, какое влияние сильная личность может оказать на события. К XIX в. классицизм приходит уже давно мертвым, абсолютно несостоятельным перед лицом новых задач. Однако влиятельная фигура Цзэн Го-фаня, возглавлявшего одну из последних попыток восстановления классицизма — тунчэнскую группировку, отсрочила на шестьдесят лет падение *гу вэнь*, древнего стиля, и только после смерти Цзэн Го-фаня процесс распада классицизма идет ускоренным темпом. То же мы видим и с Линь Цинь-нанем. Хотя, как мы увидим позже, к 1920 г. классицизм был окончательно разбит, все же консервативные элементы не прекращали своей борьбы, группируясь вокруг влиятельной фигуры Линь Шу, и только со смертью последнего в 1924 г. окончательно распадается лагерь литературной контрреволюции. Тот факт, что как после смерти Цзэн Го-фаня, так и после смерти Линь Шу отживший классицизм не может выделить из себя смену ушедшим лидерам, в особенности характеризует яркую индивидуальность этих вождей, в течение долгого времени умевших поддерживать жизнь в разлагающемся организме.

Блестящую характеристику и литературно-критический разбор наследия этого незаурядного человека дает профессор Чжэн Чжэнь-до в 11 *хао* 15 цзюаня журнала «Сяо-шо юэ-бао» («Ежемесячник новелл») от 11 октября 1924 г. в статье, посвященной смерти Линь Цинь-наня. Известный знаток *гу вэня*, он был в числе тех писателей XIX в., которые принуждены были сделать уступку новому влиянию. Линь Цинь-нань был одним из первых переводчиков иностранной литературы на китайский язык. Но, сделав одну уступку, Линь Цинь-нань не отступал уже более от своих коренных принципов; уступив в содержании, он не давал никаких поблажек новой форме, не оставляя никаких лазеек разговорному языку, что постоянно делал Лян Ци-чао, вводя новые термины. Совершенно не зная иностранных языков, Линь Цинь-нань был принужден переводить с устным переводчиком, что было в большинстве случаев причиной тех, иногда умопомрачительных, ляпсусов, которые встречаются в его переводах. Чжэн Чжэнь-до прямо говорит, что его переводы зависели от устного переводчика; если в качестве такового попадался образованный и знающий человек, перевод был верен, попадался плохой переводчик — получался неверный и не имеющий никакой точности пересказ. Работал Линь Цинь-нань, не смотря на такого рода «пересадку», очень продуктивно. Чжэн Чжэнь-

до дает следующую справку по этому поводу: «Переводы Линь Цинь-наня, насколько известно, начиная с „Дамы с камелиями“ и до последних его переводов, в общем составляют 156 произведений. Из них 93 — [с] английских [оригиналов], 95 — французских, 19 — американских, 6 — русских и один-два — с греческого, норвежского, [бельгийского]¹⁵, шведского, испанского и японского языков. Более всего Линь Цинь-нань перевел Хаггарда — 20 произведений¹⁶. < Л. 4 > Затем идут Дюма-отец — 7 произведений, Толстой — 5 („Детство, отрочество, юность“, „Смерть Ивана Ильича“ и три сборника его новелл), Дюма-сын — 5 („Дама с камелиями“ и пр.), Диккенс — 5 („Оливер Твист“, „Жизнь и приключения Николаса Никльби“, „Домби и сын“, „Давид Копперфильд“ и пр.), Шекспир — 4 („Юлий Цезарь“, „Ричард II“, „Генрих IV“, „Генрих VI“), Вальтер Скотт — 3 („Айвенго“ и др.). Кроме этого Линь Цинь-нань перевел басни Эзопа, „Дон Кихота“ Сервантеса, „Робинзона Крузо“ Дефо, „Путешествия Гулливера“ Свифта, „Хижину дяди Тома“ Бичер-Стоу, „Девяносто третий год“ Гюго и сборник новелл Бальзака».

Мы нарочно привели весь этот длинный список, чтобы доказать заслуги Линь Цинь-наня в деле ознакомления Китая с иностранной литературой. Как указывалось выше, по той причине, что эти произведения были написаны на классическом литературном языке, они не дошли до масс, оставшись достоянием начитанной в классическом стиле интеллигентной верхушки. Вот этот момент и определил известность и влияние Линь Цинь-наня. Правильно учтя необходимость для бюрократически-начетнической верхушки Китая ознакомиться с наступающим Западом, он дал ей эту возможность, передав немало шедевров западной литературы (так же, впрочем, как и немало легкого чтения, вроде Хаггарда, не менее потребного для бюрократического мещанства) на превосходном классическом языке, которым он владел в совершенстве. И вполне понятно, что эти бюрократически-начетнические консервативные круги тесно сплотились вокруг угадавшего ответ на него Линь Цинь-наня и вокруг журналов, которые он издавал, — «Го гу» («Китайская древность») и «Го-минь» («Народ»).

Борьба против литературной революции не всегда велась честными путями, несмотря на кристальную честность в личных отношениях

¹⁵ Так в тексте.

¹⁶ За что его, кстати сказать, едко высмеял Ху Ши в том месте своей «Творческой литературной революции», где он говорит о степени важности и необходимости переводов на китайский язык иностранных произведений и отзывается о Хаггарде и иже с ним, что «такую литературу лучше не переводить». — *Примеч. Ю.В. Бунакова.*

вождя, которую отмечает Чжэнь Чжэн-до у консервативной группировки. Так, хорошо известна та клеветническая кампания, которая была поднята против Цай Юань-пэя и Чэнь Ду-сю во время их пребывания на официальных постах их противниками, использовавшими свою близость к правящим кругам. Однако ни честные, ни нечестные пути не могли спасти их обреченного положения. Но об этом после. Итак, если мы захотим подвести итог первому периоду литературной революции, то мы должны отметить, что это движение в тот момент еще не было массовым. Оно не выходило за пределы прогрессивно настроенной интеллигенции, связавшей свою судьбу с новым развивающимся классом. Это движение пока что насчитывает единичных представителей радикальной профессуры и студенчества, объединившихся вокруг журналов на разговорном языке. С другой стороны, характерной чертой первого периода является объединение всех прогрессивных элементов интеллигенции того времени, элементов, иногда очень далеко отстоявших друг от друга по своим религиозным, политическим и прочим убеждениям, спаянных общей идеей борьбы со всеми пережитками феодализма на фронте всего комплекса культурных надстроек. Таковы основные моменты, характеризующие содержание первого периода литературной революции.

V

Совсем другую картину мы наблюдаем во втором периоде этого движения. Он начинается знаменитым «У сы юнь-дун» («Движением 4 мая 1919 г.»). Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1927 г. определил пройденные до августа 1927 г. основные этапы китайской революции как этапы «превращения буржуазной революции в революцию буржуазно-демократическую с дальнейшей перспективой перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социальную». Одним из таких этапов и был «У сы юнь-дун». Окрепшая к этому времени буржуазия сделала первую попытку освободиться от конкуренции иностранного капитала, используя в этой борьбе еще не осознавшие себя политически массы пролетариата и крестьянства. Поводом послужило закрепление Версальским договором Циндао за Японией, захватившей в 1914 г. эту область, бывшую до того германской колонией. Как известно, это постановление вызвало бурные протесты всего Китая и повлекло за собой небывалую волну антиимпериалистического движения, принявшего широкий массовый характер. Не случайно этот этап <Л. 3 > «перерождения буржуазной революции в буржуазно-демократическую» был возглавлен буржуазной интеллигенцией того

времени, студенчеством европеизированных колледжей, разбросанных в то время по всему Китаю.

Вот что пишет об участии и роли студенчества в «Движении 4 мая» Ху Ши в статье «The [Chinese] Renaissance»: «Когда вести о полном успехе японской делегации на мирной конференции в Париже достигли Китая, вся страна вспыхнула от негодования, 4 мая пекинские студенты после массового митинга прошли процессией по улицам и устроили демонстрацию перед резиденцией японофильского министра Цао Жу-линя. Когда они узнали, что здесь происходит банкет японофильских чиновников, они вломились туда, избили и тяжело изранили Чжан Чжун-сяна, бывшего тогда [посланником в] Токио, и подожгли дом. Арест большого количества студентов и прошение об отставке ректора Национального университета Цай Юань-пэя привели к массовым протестам и демонстрациям по всей стране. Тысячи телеграмм полетели в Париж к китайской делегации с требованиями не подписывать договора, и по всем городам под руководством студентов был проведен весьма эффектный бойкот японских товаров. Центром движения был Пекин, где тысячи студентов произносили речи на улицах и площадях. 3 июня более тысячи студентов было арестовано и заключено в здание юридического факультета Национального университета, который был осажден правительственными войсками и превращен во временную тюрьму. Это привело к всеобщей забастовке во всех магазинах Шанхая и в других местностях, которая была прекращена лишь после того, как правительство в конце концов согласилось уволить трех наиболее отъявленных японофильских министров». Доктор Ван приводит следующий отрывок из дневника студента того времени в известной уже нам книге: «Утром 4 мая 1919 г. студенты 33 колледжей и школ Пекина в числе пятнадцати тысяч демонстрировали по улицам города против несправедливого решения Шаньдунского вопроса... 33 студента было арестовано во время беспорядков по поводу так называемых предателей¹⁷, и студенты отказались посещать занятия, пока их товарищи не будут освобождены. 7 мая требования студентов были удовлетворены, и с этих пор по всей стране организовались студенческие союзы. 20 мая Пекинский союз объявил всеобщую забастовку студентов Пекина, за ним последовали города Нанкин — 27 мая, Баодин — 28 мая, Аньцин — 30 мая, Ханькоу, Учан, Кайфын — 31 мая. Забастовки вспыхнули также в Фучжоу, Амое, Кантоне, Ханчжоу и других городах по всему Китаю».

¹⁷ Японофильских министров. — *Примеч. Ю.В. Бунакова.*

Во главе всего этого студенческого движения стал центр литературной революции — Пекинский национальный университет. Это было одним из моментов, обуславливавших основную черту второго периода — быстрый рост влияния разговорного языка в общекитайском масштабе. Подняв на щит лозунги антиимпериалистической борьбы, литературная революция вплотную подошла к тем массам, которые всколыхнула эта волна национально-освободительного движения, и тем самым создалась популярность лозунгов литературной революции.

Нам станут особенно понятными гигантские успехи национального языка, являющегося стержнем движения литературной революции, если мы учтем характерный момент [его] использования революционным классом, классом «для себя», классом, осуществляющим исторические задачи смены производственных отношений — каковой была буржуазия в ее борьбе с феодализмом, [против] тех классов, которым либо не суждено в их историческом развитии осуществление этой задачи — как, например, крестьянства, в качестве антипода класса феодалов, — либо тех классов, которые еще не развились до выполнения самостоятельной исторической задачи и в качестве класса «в себе» используются буржуазией в ее борьбе с феодализмом — как, например, пролетариата в эпоху ранних буржуазных революций. Этот же момент мы наблюдаем и в Китае. В период «У сы юнь-дун» буржуазия поднимает массы китайского пролетариата и крестьянства как на борьбу с пережитками феодализма, все еще существующими не только в культуре, но и в политике (дуцзюнат и т.д.), так и на борьбу с конкуренцией иностранного капитала. С этими массами надо было говорить близким и понятным им языком. Если раньше разговорный язык использовался для обучения кадров, обслуживающих развивающуюся китайскую промышленность, то теперь ему предстояла гораздо более широкая задача — дать задания, лозунги широким народным массам, поднятым национально-освободительным движением. И если ранее мы видели <Л. 2> только три журнала, издававшихся на разговорном языке, то теперь в короткий срок возникает до 400 газет и журналов типа листовок на *бай хуа* и по преимуществу заполненных лозунгами национально-освободительной борьбы. Таким образом, разговорный язык вытесняет классицизм из печати, и, наконец, постановление министерства народного просвещения в январе 1920 г. об изучении в начальных школах национального языка *го юя*, в основу которого был положен разговорный язык, подводит последнюю черту [под] многовековой борьбой двух языков Китая, возвестив миру победу разговорного языка.

Конец второго периода является концом того движения, разбор которого посвящена эта статья, движения, которое мы можем охарактеризовать как объединение всех прогрессивных элементов молодого капиталистического Китая в борьбе с пережитками феодализма в области культурных надстроек. Если эта яркая черта движения особенно ярко видна в его кульминационный период на первом этапе, то в двадцатых годах мы можем наблюдать дифференциацию до сих пор сплоченной армии, брошенной капитализмом в атаку на феодальные пережитки. Эта дифференциация отнюдь не случайна. Она является отражением и следствием такого же процесса в сфере политики, которая является базисом для дальнейших культурных надстроек. Мы знаем, что национально-освободительное движение, начавшееся общим подъемом всего Китая в 1919 г., когда, как мы уже видели, студенческие выступления поддерживали бойкот иностранных товаров и забастовки торговцев ставили требования освобождения арестованных студентов и т. д., это единое в своем первоначальном периоде национально-освободительное движение в дальнейшем дифференцируется. Буржуазия, революционная вначале и даже толкающая на путь революционных действий еще не осознавший себя как класс «для себя» пролетариат, эта буржуазия начинает пугаться своего чересчур быстро и по нежелательному для нее пути развивающегося товарища ее революционной юности и отходит вправо, сдавая свои революционные позиции. То же мы видим и в литературной революции. Так, мы имеем в это время своеобразный центр «беспартийной аполитичности» ушедших в глубь кабинетных исследований профессоров, еще в эпоху революционного подъема попахивающих реформаторским духом. В это время, например, Ху Ши пишет все свои исследования о китайской литературе, о которых говорилось выше, и такие статьи и книги, как «У ши нянь лай Чжун-го чжи взнь-сюэ» («Китайская литература за последние 5 лет»), «У ши нянь лай чжи ши-цзе чжэ-сюэ» («Всемирная философия за последние 50 лет»), «Бай хуа взнь-сюэ ши» («История литературы на разговорном языке») и т.д. Мы видим и крайнюю правую [часть]. Так, Кан Ю-вэй, в 1898 г. боровшийся за реформы, объективно направленные против монархического строя, в 1918 г. участвует в монархическом перевороте Чжан Сюня. Так, в 1927 г. мы встречаем в составе Нанкинского правительства главу Пекинского национального университета Цай Юань-пэя. Поистине, кем ты был и кем ты стал!

С другой стороны, часть профессоров идет еще дальше по революционному пути, начатому литературной революцией, связав свои судь-

бы с пролетариатом, продолжавшим нести знамя революции, преданное в 1925 г. китайской буржуазией. Так, мы уже знаем о роли Чэнь Ду-сю и Ли Да-чжао в организации Общества изучения марксизма, в дальнейшем преобразованного в Киткомпартию, «Синь цин-нянь» в этот период становится боевым органом социальной революции, посвящающим свои номера Ленину, Коминтерну и т.д. С его страниц возвещаются лозунги классовой борьбы, антиимпериалистической пропаганды и проч., и таким образом он выполняет в то время ту роль, которую в дальнейшем играет «Сян-дао» — роль центрального органа Киткомпартии.

Мы видим, что единая армия, брошенная капитализмом на борьбу с феодальными пережитками, распалась. Иначе и не могло быть. Эта армия была создана буржуазией в период своей революционной молодости и не могла существовать на том этапе, когда буржуазия утратила эту революционность. С другой стороны, потребность в этой объединенной армии отпала. Мы видели, что по линии основного стержня борьбы литературной революции, борьбы за национальный язык, победа была достигнута уже в 1920 г. Так же медленно, но верно, после упорной, но бесплодной борьбы сдает свои позиции старый феодальный Китай в быту, семье, школе, морали и прочих культурных надстройках. Этот процесс медленного проникновения европейского капиталистического быта в массы, трудности эмансипации женщины, построения новой семьи, воспитания новой морали особенно ярко видны в китайской публицистической и в особенности художественной литературе последнего десятилетия.

Единое движение 1917–1920 гг., изжив себя, переросло в этап, в новый период медленного проникновения новой культуры в толщу народных масс. Единый фронт борьбы со всеми феодальными пережитками в области культуры разбился на ряд мелких фронтов, на которых добиваются последние остатки этих феодальных пережитков. Таково развитие истории современной китайской литературы, проблема латинизации языка и т.д. Однако этот новый этап протекает уже в совершенно иных условиях, и в иной обстановке он может и должен составить предмет специального исследования, и разговор о нем не входит в задачу этой статьи.

Подведем вкратце итог. Обусловленная неспособностью классического языка (как и всего остального наследства феодализма в области культуры) обслуживать потребности развивающегося капитализма в Китае, литературная революция объединила все прогрессивные элементы того времени, направив их на уничтожение феодальных пере-

житков во всех областях культуры. В этом смысл, значение и заслуга так называемой литературной революции Китая.

Юр[ий] Бунаков.

Ленинград. Сентябрь 1930 г.

<На полях от руки приписано: Между датой и послесловием поместить «Библиографию», приложенную на отдельном листе>.

Послесловие

Ввиду того что сланная мною в сентябре 1930 г. работа вернулась ко мне для проверки перед печатью спустя почти год в июне 1931 г., я принужден написать это послесловие.

Прежде всего я должен оговориться, что статья написана по материалам до 1930 г. Отсюда понятно, что я не могу отвечать ни за фактический материал, появившийся после этого, ни за уточнения методологической установки, которые может дать углубляющаяся разработка китаеведных проблем, ни за библиографию по вопросу, за которой я не имел возможности следить регулярно в этом году. Однако, воспользовавшись тем, что статья попала ко мне накануне печати, я хочу сделать ударение на некоторых моментах, углубленных в процессе дальнейшего изучения проблем китайской лингвистики, проведенного мною за последний год.

Прежде всего необходимо связать мою работу с яфетидологией, с которой в силу разных причин я познакомился сравнительно недавно. Так, с точки зрения увязки с яфетидологией я считаю необходимым дать точное определение тем моментам, в которых, как мне кажется, мне удалось нащупать правильный яфетидологический подход, но которые я не снабдил терминами яфетидологии в силу своего незнакомства с нею. Так, несомненно, процесс многовековой борьбы двух языков — классического официального и простонародного разговорного — есть процесс диалектического роста и развития языка, процесс, одним из важнейших двигателей которого по новому учению о языке является скрещение внутри самого языка — скрещение как борьба в процессе диалектического развития между литературным языком господствующих классов и народным разговорным языком, между литературным языком феодально-бюрократической верхушки Китая и простонародным разговорным языком широких кругов китайских трудящихся масс. Затем необходимо отметить появившиеся за этот год в печати подтверждения положений моей статьи. В частности, могу указать, что мне удалось предвосхитить своей характеристикой литера-

турной революции характеристику, данную ей в параграфе первом «Резолюции по вопросу пролетарской и революционной литературы в Китае», вынесенной II международной конференцией революционных писателей.

Следующее замечание методологического порядка, долженствующее углубить понятие, в силу преимущественно литературоведческого характера статьи не затронуто там в должной мере. Надо считать крайне условным также для литературоведа употребление термина «китайский язык», а в особенности «простонародный разговорный китайский язык», ибо в употреблении этого термина сказываются пережитки буржуазного этапа в изучении китайских языков. Дело в том, что китайского живого языка как такового, как единого целого в Китае нет. В силу определенных исторических причин — деспотического характера управления господствующих группировок, монополизировавших китайскую письменность, — Китай имеет единую иероглифику. Однако единого разговорного языка широких масс в Китае не существует. Север, юг, восток и юго-восток Китая имеют совершенно самостоятельные языки. Незаработанность этого вопроса с марксистской точки зрения не дает мне возможности перечислить их, но во всяком случае пекинский и кантонский «диалекты», как их принято называть в буржуазной синологии, являются совершенно самостоятельными языками настолько же близкими и настолько же далекими друг от друга, как, например, русский, чешский и украинский и т.д. Эти языки развивались совершенно самостоятельно на всем протяжении китайской истории, однако вследствие того, что разговорным языком правящего центра Китая был северный язык, а за последние века именно пекинский, — вместе с иероглификой верхушечные слои остальных частей Китая восприняли этот язык в качестве официального разговорного языка. Отсюда громадное распространение и понимаемость пекинского языка в официальных кругах всех частей Китая. Современный Китай не только не изменил существующего положения, но даже углубил его, да он и не мог сделать иначе. Общеизвестно, основа национальной политики буржуазии — подавление всякой политической и культурной инициативы нацменьшинств, имеющей своей первоосновой стремление к экономической эмансипации, освобождению из-под гнета эксплуатации господствующего класса господствующей нации. Отсюда всяческие запрещения национальных языков, протезирование единого общего языка и т.д. Яркий пример этой буржуазной национальной политики мы видим в современном Китае. Ибо *бай хуа* и *го юй* (национальный язык, в основу которого положен

пекинский, уже несколько веков являющийся официальным разговорным языком правящих классов), поднятый на шит литературной революцией и всячески протезируемый гоминьдановским правительством, есть чисто буржуазная попытка создать искусственный национальный единый язык, долженствующий задушить рост и развитие самостоятельных национальных языков или литератур на них.

Буржуазная синология, естественно, не могла вскрыть истинное содержание термина «диалекты единого китайского языка». К сожалению, советские китаеведы еще не освободились от этого пережитка буржуазной синологии. По этой причине я счел необходимым остановиться на этом вопросе, не имеющем прямого отношения к моей литературоведческой основной статье.

И, наконец, продолжая считать правильным данное мною определение роли литературной революции, мне хотелось бы подробнее остановиться на перспективах ее завершения, перспективах роста и развития китайских языков и литератур после литературной революции, т.е. наметить те вопросы, разрабатывать которые подробно в силу отсутствия материалов я в конце своей статьи отказался. Литературная революция была буржуазной культурной революцией, обусловленной интересами и задачами буржуазии в ее борьбе с мешающими ее развитию феодальными пережитками в культурных надстройках. И как движение, обусловленное интересами буржуазии, литературная революция остановилась на том этапе, который был нужен правящим группировкам, и оказалась не в состоянии двинуть процесс роста и развития языка дальше этой границы. Развитие капитализма в Китае продиктовало настоятельную необходимость приблизить к грамотности, а через нее к западной капиталистической науке и технике гораздо большие круги, чем было нужно до проникновения в Китай капитализма и чем мог приблизить классический феодальный язык. Это обусловило кульминационный пункт литературной революции, приведшей к победе упрощенного — разговорного языка, несколько облегчившего доступ к грамотности. Однако это было пределом, нужным для буржуазии. Дальнейшее упрощение языка и подлинное приближение грамотности к широким трудящимся массам, т.е. уничтожение иероглифики, представляли вторую и последнюю трудность для изучающего в китайских языках. После краткости и лаконичности, уничтоженных введением *бай хуа*, эта задача противоречила сущности буржуазной культуры, и естественно, что литературная революция как мощное и революционное движение умерла с достижением задач, поставленных буржуазией, с победой *бай хуа*, о чем я под-

робно писал в статье. Отсюда ясно, что огромное дело приближения грамотности к широким трудящимся массам, дело уничтожения иероглифики, дело создания латинизированного алфавита не под силу отдельным обществам латинизации в гоминьдановском Китае, обществам, заскочившим дальше социального заказа господствующих классов. Эта задача может быть разрешена только через советские районы Китая и достигнет окончательного разрешения лишь с победой, которая принесет подлинную пролетарскую культуру широким трудящимся массам китайского населения.

Юр[ий] Бунаков.

Июнь 1931 г.

Summary

Y.V. Bunakov

**On the meaning of the so-called
“literary revolution” in China**

Preface and publication by I.F. Popova

The published article, written in 1930, is the first major research by Yuri Vladimirovich Bunakov (1908–1942) who died during the Leningrad Blockade. Y.V. Bunakov mostly studied the history of Chinese writing and language, this work falls within his early research interests. The article on the “literary revolution” in China is interesting as an example of study in of literature in the 1930s, when scholars brought up in the classical Petersburg Orientalist tradition tried to develop their analysis in compliance with the mainstream interpretations of Marxist ideology which were dominant at that time. The text is kept in Y.V. Bunakov’s personal fund in the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS (F. 84. Inv. 1, unit 88). It is published for the first time.

Keywords: Y.V. Bunakov, history of Chinese literature, literary revolution.